

РОССИЯ В БОЛЬШОМ ЕВРАЗИЙСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ: ОТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ТЕОРИИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Татьяна Литвинова*

DOI 10.24833/2073-8420-2020-2-55-33-42

Введение. В статье рассматривается место России в продвижении и строительстве большого евразийского партнерства. Идея такого партнерства была предложена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным на основе сопращения деятельности Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и проекта китайского транспортного коридора «Один пояс – один путь».

Материалы и методы. В качестве теоретико-методологических оснований исследования выступает синтез цивилизационной концепции евразийства и теории международной интеграции. Работа основана на анализе официальных документов ЕАЭС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), заявлениях официальных должностных лиц, мониторинге средств массовой информации, анализе торгово-экономической статистики.

Результаты исследования. Статистические данные показывают, что ЕАЭС накапливает успех, хотя в настоящее время демонстрирует замедление темпов развития. Значительную роль во внешней торговле и инвестиционном сотрудничестве стран-членов ЕАЭС все еще играют третьи страны. Китай конкурирует с Россией за доминирование в Центральной Азии. Сопращение интеграционных процессов ЕАЭС и ШОС, а также китайской инициативы «Один пояс – один путь» должно развиваться с учетом интересов России.

Обсуждение и заключение. Большое евразийское партнерство можно рассматривать как часть процесса формирования новой мировой архитектуры, построенной на системе региональных и межрегиональных экономических и интеграционных групп. Постсоветские страны Евразии связывает общность исторических судеб, цивилизационные и культурные предпосылки к интеграции через объединяющую роль России, без которой невозможно реализовать ни один серьезный проект на континенте.

* **Литвинова Татьяна Николаевна**, доктор политических наук, профессор кафедры регионального управления и национальной политики Одинцовского филиала МГИМО МИД России
e-mail: tantin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5382-3751

Введение

В начале XXI века интеграционные процессы и трансграничное сотрудничество охватило широкий круг государств и регионов. Происходит изменение роли государства в международных отношениях, глобализация оказывает огромное влияние на политическую, экономическую и культурную сферы. Между тем исторические особенности развития отдельных народов продолжают играть важную роль в их позиционировании на международной арене. В первую очередь это касается крупных государств-цивилизаций в Евразии, таких как Россия, Китай, Индия.

Вопрос о цивилизационной принадлежности России остается одним из наиболее дискуссионных. Россия – это часть европейской цивилизации или это самобытная страна и уникальная цивилизация? В этом выборе важную роль играют внешнеполитические ориентации, национальные интересы страны, а также степень их осознания политической элитой и гражданами. Таким образом, перед политологией, социологией, экономической географией встала задача представить объективное видение экономических и политико-культурных устремлений нашего общества, определяющих характер и специфику взаимодействия России с ее ближним и дальним окружением.

Проект большого евразийского партнерства на базе Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и транспортного коридора «Один пояс – один путь» дает новый импульс развитию сотрудничества в Евразии. Процесс этот также сопряжен с многосторонним взаимодействием стран-участниц Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Партнерство открыто для новых членов, и в перспективе к нему могут присоединиться Индия, Пакистан, Иран и другие заинтересованные страны. Согласно заявлению Президента В.В. Путина, к 2025 году в рамках этого объединения «будет создан единый рынок энергетики и углеводородов, финансовый рынок».

Грандиозность поставленной задачи определяет цель настоящего исследования – раскрыть теоретические предпосылки и практические возможности России в воплощении большого евразийского партнерства.

Методология

Евразийство как идеологическая и геополитическая концепция имеет давнюю историю и множество вариаций. Она берет истоки из вечного спора западников и сла-

вянофилов и зародилась в среде российской эмиграции в 1920-1930-х годах. Ее сторонников объединил взгляд на Россию как на особое географическое пространство, «месторазвитие» (термин П.Н. Савицкого), объединяющее в себе Европу и Азию и объективно имеющее особую историческую судьбу.

Так, Г.В. Вернадский рассматривал российское государство как громадный историко-культурный организм, объединивший не только русский народ, но соседние народы. «Включение в мировую державу» дает ее краям и этносам значительные «экономические и культурные выгоды». Он писал: «Российское государство есть государство Евразийское, и все остальные народности Евразии должны чувствовать, что это есть их государство» [1. С. 282].

Н.С. Трубецкой, в свою очередь, считал, что народы Евразии едины не по одностороннему набору признаков, а общностью исторических судеб. Разделение же братских народов было бы протivoестественным и привело бы «к страданиям» [7. С. 204]. И хотя концепция евразийцев зародилась в кругах, не симпатизирующих Советскому Союзу, и идеологически опиралась на иные основания, СССР, как геополитический наследник Российской Империи, воплощал в себе евразийское государство, а его распад стал трагедией для объединенных им народов.

Нельзя не согласиться с общей идеей евразийцев, что, обладая уникальным геополитическим положением на мировой арене, Россия как бы становится посредником между Европой и Азией, именно на ней лежит большая ответственность – стать связующим звеном для взаимодействия народов Запада и Востока. Здесь уместно процитировать П.В. Савицкого, который заявлял, что Россия «имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называться «срединным» государством» [6. С. 295]. Путь евразийства, по мнению представителей классической концепции, – это не путь насилия и войны, искусственных конструкций или навязанного «западниками» европейского прогресса, это путь созидания сотрудничества, культурного обмена и братства народов. П.В. Савицкий писал, что сама природа «Евразии в гораздо большей степени подсказывает людям необходимость политического, культурного и экономического объединения», чем в Европе и Азии [6. С. 297]. Не удивительно, что идея именно такой созидательной силы оказалась востребована в постсоветский период, когда крушение старых установок образвало иде-

ологический вакуум, а неопределенность будущего пути развития России привела к поиску новых идейных основ.

Среди евразийцев нового поколения, в первую очередь, называют Л.Н. Гумилева. Своими многолетними историко-географическими изысканиями и достаточно дискуссионной теорией пассионарности он нарисовал очень привлекательный образ России: пережившей всплески, надломы и кризисы, но выстоявшей во всех невзгодах нации [2]. Силу, объединяющую народы Евразии, Л.Н. Гумилев видел в признании российским государством права каждого народа на собственный, избранный им образ жизни. И «пока за каждым народом сохранялось право быть самим собой», Евразия успешно сдерживала натиск внешних врагов [2. С. 292].

Соединяя идею евразийцев с геополитическим концептом Харленда («срединной земли»), А.Г. Дугин называет Россию «сухопутным (теллуократическим) ядром всего евразийского континента». Рассуждая о будущем нашей страны, он отмечает важность укрепления суверенитета Российской Федерации, как одной из «колонн» мировой архитектуры. Фактически его размышления находятся на стыке цивилизационной теории и политического реализма, рассуждающего в терминах «конflikта» и «безопасности». Поэтому вполне закономерны выводы А.Г. Дугина о неизбежном и геополитически предопределенном конфликте-соперничестве России как «цивилизации Суши» и США-НАТО как «цивилизации Моря». Отмечая, что евразийская цивилизация шире наших государственных границ, А.Г. Дугин говорит о необходимости стратегического и даже «военного контроля» над рядом прилегающих к России зон [3. С. 129]. На наш взгляд, более демократичный и прагматичный путь объединения Евразии лежит не в плоскости военно-стратегического контроля, а в поиске сопряжения экономических и общественных интересов соседних и братских народов.

К сожалению, некоторые зарубежные исследователи понимают современное российское евразийство весьма ограничено и негативно. Так, К. Ханн пишет, что идея евразийцев-эмигрантов возродилась с приходом к власти Президента В.В. Путина в 2000-е гг. как «праворадикальный» политический проект, целью которого является «восстановление в советском стиле отношений между Россией» и некоторыми ее соседями [11. Р. 11]. Более того, М. Ларуэлл определяет современное евразийство как

«имперскую версию русского национализма» [15]. Подобное искажение образа и места нашей страны в Евразии препятствует росту понимания между Россией и Западом.

Ни на одном другом материке нет такой разницы в культурно-историческом развитии населяющих его народов. Уникальность «месторазвития» России определяет нашу специфическую и почетную роль – находить точки соприкосновения и эффективные пути взаимодействия соседних народов по широкому кругу вопросов: в экономике, политике, научной и культурной сферах. На смену политическим альянсам и военным блокам прошлого постепенно приходят многочисленные и довольно успешные интеграционные объединения соседствующих стран. Таким может стать и проектируемое Россией большое евразийское партнерство.

В теоретическом плане международная экономическая интеграция может рассматриваться с позиции двух конкурирующих подходов: неофункционализма и межправительственного подхода («intergovernmentalism»). Первая была разработана либеральными экономистами и предшествовала теории политической интеграции Э. Хааса и Л. Линдберга. Неофункционалисты фокусируются на прогрессивном развитии интеграции, процессе, который постепенно набирает динамику и приводит к «драматическим результатам». Неофункционализм также обращает внимание на важность для интеграции субнациональных акторов, будь то граждане или группы интересов. Для Э. Хааса политическая интеграция была связана с появлением качественно «нового политического сообщества», базирующегося на ожидаемом сдвиге лояльности элит от национального к наднациональному регулированию [10. Р. 16].

В свою очередь, сторонники межправительственного подхода критиковали неофункционализм, подчеркивая важность национальных правительств Европы и их роли в формировании структуры Европейского сообщества. По их мнению, интеграция проходит без особых трудностей, главным образом в областях с «низкой политикой» («low politics»): экономика и социальное обеспечение. А в вопросах национальной безопасности, внешней политики и обороны («high politics») национальные правительства менее охотно передают свою власть в наднациональное «тело». Государства всегда будут пытаться сохранить контроль над процессом принятия решений, когда речь идет о жизненно важных интересах [17. Р. 801].

В связи с возникновением большого числа региональных объединений развивающихся стран появилась «теория учебного полигона» [12]. Экономическая интеграция между развивающимися странами рассматривается как переходный период или ступенька на пути к открытой конкуренции с внешним миром после короткого периода обучения; отсюда и название «учебный полигон». По словам А. Хосни, большинство развивающихся стран рассматривают экономическую интеграцию как инструмент повышения конкурентоспособности в глобальной экономике [13. Р. 143].

В исследованиях международной интеграции подчеркивается важность политического лидерства. Так, Ф. Руэда-Хункера утверждал, что отсутствие регионального лидера в интеграционной группе может привести к неудаче всей инициативы. Он приводит в пример Центральноамериканский общий рынок, где отсутствие регионального лидера стало основной причиной его слабого развития [19. Р. 14]. Россия является ведущей экономикой на постсоветском пространстве и уже выступает ядром Евразийского экономического союза. Тем интереснее оценить перспективы нашей страны в большом евразийском партнерстве.

Данное исследование опирается на методологию концепции евразийства и теории международной интеграции, а также методы анализа экономической статистики и официальных документов международных организаций (ЕАЭС и ШОС), мониторинг средств массовой информации, заявления и выступления официальных должностных лиц.

Исследование

Идея образования «Евразийского Союза», призванного сформировать единое экономическое пространство и оборонную политику, впервые была высказана бывшим Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым в 1994 году.

Сегодня общая территория стран-членов ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия) составляет 20 млн. км² – 13,5% площади Земли. Общая численность населения стран ЕАЭС – 183,8 млн. человек. Молдова является государством-наблюдателем. Члены Организации также подписали соглашения о свободной торговле с Вьетнамом, Китаем, Ираном и Кубой.

Статья 4 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 года предусматривает свободу передви-

жения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также скоординированную и единую политику в экономической сфере.

С тех пор, как Евразийский экономический союз был официально оформлен 1 января 2015 года, европейские ученые преимущественно рассматривали его как достижение политической программы В.В. Путина. Так, по словам Б. Серги, ЕАЭС «служит яркой иллюстрацией того, что Путин предусмотрел для постсоветского пространства, поскольку Союз отчасти мотивирован целями самовосхваления России» [20. Р. 59].

Торгово-экономическая статистика показывает, что ЕАЭС накапливает успех, хотя после динамичного роста, в настоящее время демонстрирует замедление темпов развития. Объем взаимной торговли в 2019 году составил 61 млрд. долл. США, что на 1,3% больше 2018 года. В товарной структуре взаимной торговли стран ЕАЭС наибольшая доля приходится на минеральные продукты (26%), из которых 82% поставляет Россия. Поставки машин, оборудования и транспортных средств занимают 20% объема взаимной торговли (59% приходится на Россию), продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья – 16% (49% приходится на Беларусь), металлов и изделий из них – 13% (64% поставлено Россией).

Таблица 1

Доля стран ЕАЭС во взаимной торговле, 2019

Экспорт		Импорт	
Россия	63,6%	Беларусь	36,3%
Беларусь	23,8%	Россия	33,1%
Казахстан	10,4%	Казахстан	24,5%
Армения	1,2%	Кыргызстан	3,3%
Кыргызстан	1,0%	Армения	2,8%

Источник: Евразийская экономическая комиссия.

Для каждой из стран существуют свои мотивы участия в интеграции: для Беларуси – экспорт в Россию; для Кыргызстана – общий рынок труда; для Армении важны как экономическая составляющая сотрудничества, так и военно-политическая. Казахстан балансирует между сотрудничеством с Россией и другими странами ЕАЭС, с одной стороны, и с КНР, - с другой [4. Р. 201].

Хотя за 2019 год доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли ЕАЭС увеличилась с 13,7% до 14,3%, для стран-участниц все еще значительна торговля с третьими странами.

Рисунок 1. Доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли по ЕАЭС, 2019

Источник: Евразийская экономическая комиссия.

Приведенные данные показывают, что наибольший интерес во взаимной торговле демонстрируют Беларусь и Кыргызстан, а в наименьшей степени от взаимных поставок зависит Российская Федерация.

В ЕАЭС развивается инвестиционное со-

трудничество. За 2018 год запасы взаимных прямых инвестиций увеличились на 2,5% и составили около 24 млрд. долл. США. Причем основным бенефициаром являлась Беларусь, на ее долю пришлось 48% взаимных инвестиций.

Таблица 2

Структура взаимных прямых инвестиций, июль 2018 года-июнь 2019 года, млн. долл. США

Инвесторы	Получатели инвестиций					Всего
	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия	
Армения		2,7	-0,1		28,5	31,1
Беларусь			13,9	0,2	60,7	74,8
Казахстан		2,1		-21,8	158,1	138,4
Кыргызстан		-0,1	3,3		-27,2	-24,0
Россия	134,2	528,8	425,8	-9,4		1 079,4
Всего	134,2	533,4	442,9	-31,0	220,2	1 299,7

Источник: Евразийская экономическая комиссия.

Из приведенных данных видно, что за второе полугодие 2018 года и первое полугодие 2019 года Россия, в качестве инвестора, вложила в партнеров более 1 млрд. долл. США (83% всех взаимных инвестиций). При этом доля запасов взаимных инвестиций в общем объеме прямых иностранных инвестиций (ПИИ) стран ЕАЭС остается скромной, на начало 2019 года она составила 3,4%.

Удельный вес и характер участия России в сотрудничестве ЕАЭС показывают, что мотивы нашей страны лежат не в плоскости торгово-экономических выгод. Россия берет на себя ответственность и бремя поддержки соседних стран, самих проявивших заинтересованность в подобном союзе. На самом деле, реальные экономические выгоды такого союза, как ЕАЭС, связаны не с изменени-

ем тарифов и успехами в торговле, а, прежде всего, с модернизацией внутренних институтов и политики, что является предметом постоянного внимания [9. Р. 24]. И если у сторон хватит политической воли к продолжению интеграции, экономический эффект наступит. В теории, чем больше размер стран, вступающих в союз, тем больше выгоды от экономической интеграции [13. Р. 144]. Объединение таких обширных территорий, как Россия и ее соседи, при поэтапном и грамотно выстроенном процессе сближения экономик принесет несомненные выгоды, поможет выстроить емкий внутренний рынок и составить серьезную конкуренцию на рынках внешних.

Зарубежные ученые весьма противоречиво оценивают перспективы ЕАЭС. Так,

Г. Мостафа и М. Махмуд называют три варианта развития [18. Р. 170-171]:

1) Продолжение сотрудничества с весьма ограниченными и минимальными мероприятиями, в этом случае ЕАЭС вполне может постигнуть судьба СНГ;

2) Расширение интеграции с привлечением большего количества членов;

3) Подключение к ЕАЭС Китая, или даже слияние с ШОС, если государства-члены будут разочарованы политикой России и ее руководства.

В свою очередь, К. Киркхам писала, «чтобы преуспеть в своем гегемонистском проекте, российское правительство должно не просто копировать институциональный дизайн ЕС, но и научиться представлять достижения интеграции как успешные усилия по созданию прочной системы социального обеспечения... и взять [на себя] культурное лидерство» [14. Р.111].

Социальная повестка особенно обострилась в связи с угрозой пандемии COVID-19. Об общих подходах борьбы с ней говорилось на встрече Высшего Евразийского экономического совета 14 апреля 2020 года. Правительства условились сообща принимать меры по ограничению вывоза в третьи страны критически важных медицинских препаратов и техники, социально значимых товаров, чтобы не допустить их нехватки на союзном рынке, если возникнет необходимость помогать друг другу с доставкой гуманитарной помощи, товаров первой необходимости.

Мы оцениваем перспективы ЕАЭС с оптимизмом и согласны с точкой зрения Е. Винокурова, что «углубление институциональной интеграции является критически позитивным фактором» развития ЕАЭС. Оптимистичные ожидания в отношении интеграции связаны с общим историческим и экономическим прошлым, территориальной и языковой близостью, с высоким уровнем осведомленности стран-участниц о сложившихся деловых обычаях [21. Р. 63].

19 мая 2020 года состоялось заседание Высшего Евразийского экономического совета, на котором обсуждался проект Стратегии развития евразийской экономической интеграции на перспективу до 2025 года. В ней ставятся комплексные задачи по завершению формирования общего рынка,

формированию цифрового пространства, расширению сотрудничества в научно-технической и гуманитарной областях.

Вопрос экономического сотрудничества с третьими странами и, прежде всего, с КНР является одним из самых актуальных. В 2015 году Китай занял второе место среди внешнеторговых партнеров стран ЕАЭС (14% от общего оборота), значительно уступив Европейскому союзу (49%). Но доля Китая постоянно растет. Китай является очевидным стратегическим партнером ЕАЭС [4. С. 185]. Львиная доля китайских ПИИ в страны ЕАЭС сосредоточена в Казахстане и ориентирована на добычу и транспортировку углеводородов. На конец 2018 года запасы ПИИ Китая в Казахстане составил 8,6 млрд долл. США¹. Существует явная конкуренция между крупными китайскими и российскими корпорациями за доступ к топливному комплексу Казахстана.

Еще одна влиятельная группировка на евразийском пространстве – это Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Общая территория стран-членов (Китай, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Индия и Пакистан) составляет более 34 млн. км², то есть 60% территории Евразии, 23% площади Земли. Общая численность населения стран ШОС составляет 3,04 млрд. человек, около 43% мирового населения. Китай, являясь второй по величине экономикой в мире, выступает экономическим лидером ШОС, в то время как Россия лидирует в военно-стратегическом плане (размер территории, уровень вооружений). Государствами-наблюдателями являются Афганистан, Беларусь, Иран и Монголия.

Несколько государств-членов ШОС: Россия, Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан, обладают значительными запасами нефти, природного газа и угля (при очевидном лидерстве России), что еще больше подогревает интерес к расширению сотрудничества в энергетическом секторе [5].

Хотя деятельность Китая теснит доминирующее положение России в регионе, активно развивается энергетическое сотрудничество между Пекином и Москвой. 2 декабря 2019 года Президент РФ В.В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин дали старт поставкам российского газа в Китай по восточному маршруту «Сила Сибири». Пред-

¹ Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе. 2018 год. Статистический бюллетень; Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat_5/finstat_5_2018f.pdf

полагается, что к 2024 году товарооборот между РФ и КНР достигнет 200 млрд. долл. США².

Учитывая формат общения, установленный в ШОС, и существующие соглашения, Организация является ключевой евразийской платформой для международного сотрудничества. ШОС находится в центре крупных экономических инициатив, которые, по мнению многих экспертов, будут иметь решающее значение для будущего Евразии. Очевидно, что основной путь развития лежит не через конкуренцию, а через «синергию между различными евразийскими проектами, поскольку это наилучшим образом отвечает интересам всех держав на континенте» [8. Р. 118]. Предложение Президента России В.В. Путина о создании большого евразийского партнерства как раз отвечает этой задаче – поддержания гибких интеграционных структур.

Большое евразийское партнерство также включает в себя амбициозный проект «Один пояс – один путь» («One Belt, One Road») (ОВОР), инициированный Китаем. В настоящее время морские перевозки преобладают в обеспечении товарооборота ЕАЭС и Китая. Например, в грузопотоке между Россией и Китаем 77% грузов перевозится морским транспортом, 21% – наземным транспортом через российско-китайскую и российско-монгольскую границы и только 2% – транзитом через Центральную Азию. Экспорт китайских товаров в Казахстан в большинстве случаев осуществляется морским транспортом через Россию (Владивосток, порт Восточный и Санкт-Петербург) [4. С. 191].

Проект «Один пояс – один путь» предполагает охватить более 70 стран и международных организаций и принести пользу населению в 4,4 млрд. человек, или 63% населения мира. Перечислим только часть текущих проектов ОВОР: гидроэнергетический проект в Пакистане, проект COSCO Piraeus Port в Греции, проект расширения и модернизации международного аэропорта им. Ибрагима Насира на Мальдивах. Планируется развитие инфраструктуры железнодорожного транспорта: проекты Паназийских железных дорог (в Лаосе и Таиланде), Джакарта-Бандунг, Венгрия-Сербия и др. Также планируется развитие транспортных коридоров: Китай-Пакистан, и экономиче-

ский коридор Россия-Монголия-Китай. В 2016 году руководителями трех стран была подписана Программа создания Экономического коридора Россия-Монголия-Китай, предполагающая сотрудничество в следующих областях: развитие транспортной инфраструктуры; совершенствование таможенного и карантинного контроля; промышленное и инвестиционное сотрудничество; углубление торгово-экономических связей; гуманитарные обмены; охрана окружающей среды; продвижение регионального приграничного сотрудничества. Сопряжение Экономического коридора Россия-Монголия-Китай и проекта ОВОР является важной частью совместной инициативы.

Процесс увязки интеграции в ЕАЭС с инициативой КНР «Один пояс – один путь» должен идти с учетом интересов нашей страны. Россия заинтересована в увеличении числа дружественных связей с соседними государствами, а также в обеспечении безопасности на евразийском пространстве. Среди ключевых угроз выступают риски, связанные с конфликтами в Афганистане, Центральной Азии, на Кавказе, а также трансграничной преступностью, наркотрафиком и терроризмом. Для нас крайне важно активизироваться в экономической интеграции и подключиться к масштабным инфраструктурным проектам, используя транзитный потенциал страны. Но пока успех ОВОР и его экономические последствия для России и ЕАЭС не очевидны, а крупномасштабные проекты всегда требуют серьезных инвестиций.

Китайские эксперты считают реалистичным связать партнерство «Большой Евразии» с инициативой ОВОР. Так, по мнению Юнцзоань Ли, у России и Китая есть необходимое желание, знания и условия, чтобы это произошло. КНР является крупнейшим импортером российской нефти, а Россия сумела успешно выйти на энергетический рынок Азиатско-Тихоокеанского региона [16. Р. 98]. Согласно амбициозному плану Ли Синь, к 2030 году зона свободной торговли в рамках ШОС станет всеобъемлющим экономическим партнерством, основанным на интеграции ЕАЭС, ШОС и БРИКС.

Интеграционные процессы и политическое сотрудничество в Евразии играют важную роль в современной системе международных отношений. Они влияют не толь-

² Лару Д. Восточный поток: как Россию и КНР связали газопроводом // Известия. 2 декабря 2019. URL: <https://iz.ru/949780/dmitrii-laru/vostochnyi-potok-kak-rossiu-i-knr-sviazali-gazoprovodom>

ко на возможности государств-участников, успех инициатив и проектов, на население взаимодействующих стран, но и на ситуацию на континенте. России как политическому, экономическому и культурному центру Евразии важно быть в центре этих динамичных событий, быть их инициатором, вдохновителем и активным подвижником.

Заключение

Выстраивание многостороннего партнерства – системный и фундаментальный процесс. Эффекты и позитивные последствия наступят не сразу, а перспективы еще не очевидны. Однако постсоветские страны Евразии уже связаны общностью исторических судеб, имеют цивилизационные и культурные предпосылки к сотрудничеству и интеграции через объединяющую роль России. Повестка дня для строительства большого евразийского партнерства предусматривает завершение формирования единого рынка ЕАЭС для товаров и услуг, создание общего рынка электроэнергии, финансовых услуг, нефти и газа.

Планомерное движение в сторону полного общего рынка и политическая воля к сотрудничеству дадут необходимый эффект в будущем. Само геоэкономическое положение

ЕАЭС с Россией в качестве ядра и лидера интеграции должно способствовать нашему успеху. Конечно, создание большого евразийского партнерства потребует развития институциональной структуры ЕАЭС. Определенные аспекты партнерства могут быть реализованы в других форматах, например, путем переговоров о торговых соглашениях между ЕАЭС и соседними государствами.

Перспективным учреждением для развития большого евразийского партнерства также может стать ШОС, так как в нее уже вовлечено много потенциальных членов будущего партнерства.

Развитие интеграционных процессов ЕАЭС и ШОС, а также китайских транспортных проектов в рамках инициативы «Один пояс – один путь» должно осуществляться в духе межправительственного подхода («intergovernmentalism») с учетом интересов России. В интересах нашей страны использовать свой транзитный потенциал и развивать наземные транспортные маршруты. Мы должны помнить, что достижение большого евразийского партнерства не в усугублении конкуренции России и Китая, а в необходимости сопряжения интеграционных процессов и инициатив.

Литература:

1. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб., 2000.
2. Гумилев Л.Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. М., 2001.
3. Дугин А.Г. Геополитика России. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2012.
4. Евразийский экономический союз / Под ред. Е.Ю. Винокурова. СПб., 2017.
5. Мигранян А.А., Шавина Е.В. Потенциал расширения сотрудничества стран ШОС: экономические и энергетические аспекты // Постсоветский материк. 2018. № 2 (2). С. 118-133.
6. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.
7. Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм // Русское зарубежье: История и современность. 2014. Вып. 3. С. 198-206.
8. Alimov, R. The Shanghai Cooperation Organisation: Its role and place in the development of Eurasia // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 114-124.
9. Dragneva, R., Wolczuk, K. The Eurasian Economic Union: Deals, Rules and the Exercise of Power. Chatham House, 2017. May. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2017-05-02-eurasian-economic-union-dragneva-wolczuk.pdf>
10. Haas, E. B. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces 1950-1957. Stanford: Stanford University Press, 1958.
11. Hann, Ch. A Concept of Eurasia // Current Anthropology. 2016. Vol. 57. № 1. P. 1-27.
12. Heimenz, U., Langhammer R.J. Regional integration among developing countries: Opportunities, obstacles, and options. Tubingen: Westview Press, 1990.
13. Hosny, A.S. Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature. International // Journal of Economy, Management and Social Sciences. 2013. Vol. 2 (5). P.133-155.
14. Kirkham, K. The formation of the Eurasian Economic Union: How successful is the Russian regional hegemony? // Journal of Eurasian Studies. 2016. Vol. 7. No. 2. P. 111-128.

15. Laruelle, M. The two faces of contemporary Eurasianism: an imperial version of Russian nationalism // Nationalities Papers. 2004. Vol. 32. No.1. P. 115–136.
16. Li, Y. The greater Eurasian partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 94-99.
17. Moga, T.L. The Contribution of the Neofunctionalist and Intergovernmentalist Theories to the Evolution of the European Integration Process // Journal of Alternative Perspectives in the Social Sciences. 2009. Vol. 1. No. 3. P. 796-807.
18. Mostafa, G., Mahmood, M. Eurasian Economic Union: Evolution, challenges and possible future directions // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 163-172.
19. Rueda-Junquera, F. European Integration Model: Lessons for the Central American Common Market // Jean Monnet/ Robert Schuman Paper Series. Vol. 6 No. 4. February 2006.
20. Sergi, B.S. Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A hybrid half-economics and half-political "Janus Bifrons" // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 52-60.
21. Vinokurov, E. Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results // Russian Journal of Economics. 2017. Vol. 3. No.1. P. 54-70.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии, проект № 19-511-44012 «Межцивилизационное взаимодействие России и Монголии в контексте Большого Евразийского партнерства»

RUSSIA IN THE GREATER EURASIAN PARTNERSHIP: FROM CIVILIZATION THEORY TO POLITICAL PRACTICE

***Introduction.** The article overviews the place of Russia in the promotion and construction of the Greater Eurasian partnership. The idea of this partnership was proposed by President of the Russian Federation Vladimir Putin for the interfacing of the Eurasian Economic Union (EEU) and the Chinese transport initiative "One Belt, One Road" (OBOR).*

***Materials and methods.** The study is based on the synthesis of the civilizational concept of Eurasianism and the theory of international integration. The work analyses official documents of EEU and Shanghai Cooperation Organization (SCO), declarations of their officials, screening mass media, trade and economic statistics.*

***Results.** The statistics show that EEU is gaining success, although at present its developed is slowing. Third countries still play a significant role in foreign trade and investments of EEU member states. China competes with Russia for the dominance in*

Central Asia. The interface of EEU and SCO integration processes, as well as the Chinese initiative "One Belt, One Road" should be developed in view of Russia's interests.

***Discussion and conclusion.** The Greater Eurasian partnership can be considered as component of a new world architecture underlied by the system of regional and interregional economic and integration groups. The post-Soviet countries of Eurasia are united by a common history, civilizational and cultural prerequisites for integration with the unifying role of Russia. No serious project on the continent can be implemented without its participation.*

Tatiana N. Litvinova,
Doctor of Political Science, Professor,
Department of Regional Governance and
National Politics, Odintsovo Campus of
MGIMO University

Ключевые слова:

Россия, евразийство, Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества, торговля, интеграция, транспортные коридоры

Keywords:

Russia, Eurasianism, Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organization, trade, integration, transport corridors

References:

1. Vernadsky, G.V., 2000. Nachertaniye russkoy istorii. [The inscription of Russian history]. St. Petersburg.
2. Gumilev, L.N., 2001. Ot Rusi k Rossii: Ocherki etnicheskoy istorii. [From Rus' to Russia: Essays on Ethnic History]. Moscow.
3. Dugin, A.G., 2012. Geopolitika Rossii. [Geopolitics of Russia]. Moscow.

4. Evraziiskii ekonomicheskii soyuz [Eurasian Economic Union.]. *Pod red. E. Yu. Vinokurova [Edited by E. Yu. Vinokurov]*. 2017. St. Petersburg: Center for Integration Studies Eurasian Development Bank.
5. Migranyan, A., Shavina, E., 2018. Potencial rasshireniya sotrudnichestva stran SHOS: ekonomicheskie i energeticheskie aspekty [The Potential Expansion of the SCO Countries Cooperation: Economic and Energy Aspects]. *Postsovetskiy materik [Post-Soviet Continent]*. Volume 2 (2). P. 118-133.
6. Savitsky, P.N., 1997. Kontinent Yevraziya. [Continent Eurasia]. Moscow.
7. Trubetskoy, N.S., 2014. Obschcheyevraziyskiy natsionalizm [Pan-Eurasian Nationalism]. *Russkoye zarubezh'ye: Istoriya i sovremennost'*. Volume 3. P. 198-206.
8. Alimov, R., 2018. The Shanghai Cooperation Organisation: Its role and place in the development of Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*. Volume 9. No. 2. P. 114-124.
9. Dragneva, R., Wolczuk, K., 2017. The Eurasian Economic Union: Deals, Rules and the Exercise of Power. Chatham House, May. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2017-05-02-eurasian-economic-union-dragneva-wolczuk.pdf>
10. Haas, E.B., 1958. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces 1950-1957. Stanford: Stanford University Press.
11. Hann, Ch., 2016. A Concept of Eurasia. *Current Anthropology*. Volume 57. No. 1. P. 1-27.
12. Heimenz, U., Langhammer R.J., 1990. Regional integration among developing countries: Opportunities, obstacles, and options. Tubingen: Westview Press.
13. Hosny, A.S., 2013. Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature. *International Journal of Economy, Management and Social Sciences*. Volume 2 (5). P.133-155.
14. Kirkham, K., 2016. The formation of the Eurasian Economic Union: How successful is the Russian regional hegemony? *Journal of Eurasian Studies*. Volume 7. No. 2. P. 111-128.
15. Laruelle, M., 2004. The two faces of contemporary Eurasianism: an imperial version of Russian nationalism. *Nationalities Papers*. Volume 32. No.1. P. 115–136.
16. Li, Y., 2018. The greater Eurasian partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? *Journal of Eurasian Studies*. Volume 9. No. 2. P. 94-99.
17. Moga, T.L., 2009. The Contribution of the Neofunctionalist and Intergovernmentalist Theories to the Evolution of the European Integration Process. *Journal of Alternative Perspectives in the Social Sciences*. Volume 1. No. 3. P. 796-807.
18. Mostafaa, G., Mahmood, M., 2018. Eurasian Economic Union: Evolution, challenges and possible future directions. *Journal of Eurasian Studies*. Volume 9. No. 2. P. 163-172.
19. Rueda-Junquera, F., 2006. European Integration Model: Lessons for the Central American Common Market. *Jean Monnet/Robert Schuman Paper Series*. Volume 6. No. 4. February.
20. Sergi, B.S., 2018. Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A hybrid half-economics and half-political "Janus Bifrons". *Journal of Eurasian Studies*. Volume 9. No. 1. P. 52-60.
21. Vinokurov, E., 2017. Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results. *Russian Journal of Economics*. Volume 3. No.1. P. 54-70.

This article is prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Ministry of Culture, Education, Science and Sports of Mongolia, project N 19-511-44012 "Inter-civilizational interaction of Russia and Mongolia in the context of the Great Eurasian Partnership"